

АНДРЕЙ ФУРСОВ, КИРИЛЛ ФУРСОВ

Будущее капитализма

Мировое правительство, глобальная эпоха
«воюющих царств» или триумф США?

De futuro: прогнозы

В предыдущих книжных обзорах мы говорили о «героях» и событиях первой версии «нового мирового порядка» — brutального общезападного эксперимента под названием «Третий рейх» и его продолжении после войны (Четвертый рейх). Этот разговор не окончен и со временем будет продолжен, но теперь мы перенесемся из прошлого в настоящее и будущее и посмотрим на планы установления «нового мирового порядка» в XXI веке, о прогнозах на этот век.

На наших глазах заканчивается «неолиберальная эпоха» — бесславное тридцатилетие (1980—2010), пришедшее на смену послевоенному тридцатилетию (1945—1975), которое Ж. Фурастье назвал «славным» (*les trentes glorieuses*). Так называемый финансово-экономический кризис есть всего лишь один из аспектов глобального кризиса — системного кризиса капитализма, который, похоже, начинает выходить из-под контроля тех, «кто эту кашу заварил вполне серьезно» на рубеже 1970—1980-х годов.

Глобальный передел — Тридцатилетняя война богатых против середняков-мидлов и работяг-пролов (по крайней мере, верхнего сегмента последних) — позволил верхушке мирового капиталистического класса сосредоточить в своих руках огромные богатства. Однако «every acquisition is a loss»¹: побочным продуктом глобального передела стала растущая социальная поляризация, и как следствие — социальная напряженность. На Западе, включая формально самую богатую страну — США, заговорили о классовых противоречиях, классовой борьбе. Люди чувствуют: грядет новая пересдача карт Истории, и козырей на всех не хватит. Ясно также, что это тревожит и мировую верхушку: ведь «верхам» не всегда удастся системно-исторический транзит. То, что получилось у сеньоров, которые в ходе «длинного XVI века» (1453—1648) превратились, пусть во многом и против своей воли, в капиталистов (Р. Лахман) — 90 процентов семей, переживших «зловещий XIV век» (Б. Тачмэн) и находившихся

¹ «Каждое приобретение есть потеря» (*англ.*).

ФУРСОВ Андрей Ильич — директор Центра русских исследований Московского гуманитарного университета; директор Института системно-стратегического анализа; академик International Academy of Science (Инсбрук, Австрия); главный редактор журнала «Востоковедение и африканистика».

ФУРСОВ Кирилл Андреевич — старший научный сотрудник ИСАА МГУ и Института экономики РАН, кандидат исторических наук.

Ключевые слова: будущее, мировое управление, мировое правительство, рынок, демократия, капитализм, Аттали, Фридман, Сюсбьель.

у власти в Европе в 1453 году, сохранили свои позиции, — не правило, а исключение, и нынешняя верхушка мирового капиталистического класса это прекрасно понимает. Отсюда — повышенный спрос на новые схемы, прогнозы, новую повестку дня. Один из тех, кто активно откликается на эту проблематику, — Жак Аттали.

Аттали — знаковая фигура в европейском (и западном в целом) интеллектуальном истеблишменте. Его можно использовать в качестве иллюстративного примера одной из наиболее сильных черт западной элиты — циркуляции в различных сферах: наука, политика/администрация, бизнес (финансы). Этот выходец из еврейской (сефарды) алжирской семьи сделал блестящую карьеру. Окончив престижные учебные заведения (Париж: Политехническая школа, Школа политической науки), он поработал специальным советником президента Франции Ф. Миттерана, затем стал первым президентом Европейского банка реконструкции и развития. Аттали является членом ряда закрытых

наднациональных структур мирового согласования и управления, в том числе Бильдербергского клуба. Высокий статус Аттали в западной элите обусловлен его положением не только в мире политики и финансов, но и в интеллектуальном мире. Он автор большого числа работ (прежде всего книг) — научных, публицистических, а также ряда романов.

Среди последних работ Ж. Аттали, посвященных ближайшему будущему мира и глобальному управлению, можно выделить две: «Краткая история будущего» (2006) и «Кто будет управлять миром завтра?» (2011). Мы познакомим читателя с основными идеями этих работ, добавив к ним нью-йорктаймсовский бестселлер «Следующие 100 лет. Прогноз на XXI век» Дж. Фридмана — основателя и руководителя мощной частной прогностической и разведывательной компании «Стратфор», а также весьма популярную во Франции книгу специалиста по геополитике и стратегии Жана-Франсуа Сюсбеля «Воюющие царства. К новой мировой войне».

Финал девятого Торгового порядка: кризис везде

«Краткую историю будущего» Аттали начинает с выделения трех форм порядка: Ритуального (власть у духовных лиц), Имперского (власть у военных), Торгового (власть у тех, кто контролирует экономику, прежде всего у финансистов). Историю французский мондиалист рассматривает с позиций смены торговых порядков².

Торговый порядок прошел в своем развитии девять форм, которые мож-

но назвать по имени города-«сердца»: Брюгге, Венеция, Антверпен, Генуя, Амстердам, Лондон, Бостон, Нью-Йорк, Лос-Анджелес.

В девятый раз (пока последний) Торговый порядок самоорганизовался вокруг места, культуры и финансовых ресурсов, которые позволили креативному классу превратить техническую революцию в массовый коммерческий рынок. «Сердцем» девятой формы стал Лос-Анджелес (с 1980 года). Это не случайно: именно там когда-то были открыты золотые месторождения, там стартовало развитие нефтяной промышленности и кинематографа, электронная и космическая отрасли, там находятся одни из

² Здесь мы не будем оспаривать эту схему, довольно примитивную саму по себе и полную противоречий. Задача настоящей статьи иная.

лучших университетов и научных центров. Благодаря автоматизации и компьютеризации «вновь “сердце” становится таковым посредством индустриализации услуг, в данном случае финансовых и административных. Вновь, вопреки прогнозам футурологов, речь идет не о приходе общества услуг, постиндустриального общества, но о прямо противоположном: это начало индустриализации услуг, имеющей целью превратить их в новые промышленные товары» (1.Р. 136).

Продукты компьютеризации в девятой форме играют ту же роль, какую в двух предыдущих формах играли автомобиль и бытовые приборы: это кочевые объекты (*objets nomades* — термин Ж. Аттали с 1985 года), миниатюризированные машины, способные запоминать, обрабатывать и передавать информацию с большой скоростью. Еще в 1976 году калифорниец Стив Джобс создал индивидуальный компьютер «Apple 1». Позднее возникли два других важных прибора нового номадизма — мобильный телефон и Интернет. В 2006-м мобильными телефонами располагали более 2 миллиардов человек. Зародившись в недрах армейских технологий, Интернет в 1989 году открылся широкой публике — были созданы первые адреса электронной почты. В 2006-м посредством Всемирной сети был соединен 1 миллиард компьютеров.

Результаты девятой формы Торгового порядка исключительны: в

[1] J. Attali. Une brève histoire de l'avenir. P., «Fayard», 2006.

Jacques Attali

Une brève histoire de l'avenir

fayard

1980—2006 годах мировой ВВП утроился, а торговля промышленными товарами выросла в 25 раз. Темпы мирового производства составляют более 4 процентов в год, чего в истории никогда не было. Европа теряет позиции: снижается ее конкурентоспособность, замедляется ее динамизм, стареет население. ЕС не стал интегрированной демократией рынка; ее ВВП на душу населения в 2006 году был на 25 процентов ниже американско-

го. Первостепенным морем мира становится Тихий океан. Еще в 1990 году транстихоокеанская торговля превысила половину трансатлантической, на азиатском побережье Тихого океана расположены девять из двенадцати крупнейших портов мира. Две трети выпускников американских университетов по естественным наукам и инженерии 2006 года — азиатского происхождения (см. 1.Р. 147).

Казалось, пишет Аттали, что девятая форма сильно сократит бедность и продлится еще очень долго. Между тем ее конец уже виден. Тем не менее Аттали уверен: как минимум до 2025 года богачи и главные центральные банки по-прежнему будут рассматривать США и доллар как лучшее экономическое, политическое и финансовое убежище. США еще долго будут сохранять контроль над военными технологиями, передачей данных, микроэлектроникой, энергетикой, телекоммуникациями, космонавтикой. Мировой рост ВВП продолжит

расти в среднем на 4 процента в год. «В целом этот постоянный мировой рост, самый длительный и интенсивный в истории человечества, будет сопровождаться значительным ускорением глобализации и товаризации времени» (*1. P. 181*).

Во всех секторах потребления очень дешевые товары позволят вовлечь в рыночную экономику наиболее бедные слои всех стран. Основная часть дохода средних и высших слоев будет уходить на покупку услуг — образования, здравоохранения, безопасности. Все больше людей будут доверять покрытие своих рисков частным страховым компаниям в ущерб государству. «Товарный, цифровой и финансовый обмен будет все больше ускользать из-под контроля государств, которые таким образом лишатся значительной части фискальных поступлений. Функционирование государственных властей придет в расстройство из-за использования новых средств связи, особенно Интернета, которые позволяют общественным службам функционировать с меньшими издержками и на заказ» (*1. P. 187*). В управлении коммерциализованным временем будут господствовать две отрасли — страхование и развлечения.

И все же девятая форма Торгового периода будет неуклонно стремиться к своему финалу. Туда ее будут подталкивать старение населения, демография, миграция и войны.

Стареющее население станет дополнительным бременем, лежащим на плечах активных членов общества. Если сегодня работающий европеец оплачивает уже четверть своей пенсии, то в 2050 году он будет оплачивать более половины. Чтобы поддерживать соотношение работающих и пенсионеров, придется увеличивать либо налоги, либо рождаемость, либо иммиграцию. Страны, которые отка-

жутся пускать иностранцев, рискуют обезлюдеть. В тех же, где их примут, население трансформируется. К 2025 году приезжие из Африки и их потомки могут составить в ЕС до 20 процентов населения. Это будет означать масштабные перемещения населения, которые, помимо прочего, приведут к феноменальному росту городов. Уже в 2007 году доля городских жителей дошла до половины мирового населения. Если в 1950-м в мире было 80 городов с числом жителей, превышающим 1 миллион, то в 2015-м их будет 550 (*см. 1. P. 196—197*). Это потребует утроить или учетверить к середине XXI века городскую инфраструктуру, что в большинстве случаев окажется невозможным. В результате будут множиться скопища наспех построенных домов без службы путей сообщения, ассенизации, полиции, системы здравоохранения — тогда как немногочисленные богатые кварталы превратятся в бункеры, охраняемые наемниками. Огромные зоны не-права (*non-droit*) будут контролироваться бандами — как это уже происходит в Рио-де-Жанейро, Лагосе, Киншасе, Маниле. Бывшие сельские жители станут основой новых социально-политических движений, которые будут требовать перемен. Именно от них, а не от рабочих, чиновников или профессуры, будут зависеть крупные экономические, культурные, политические и военные потрясения будущего. Они станут двигателем Истории.

Ж. Аттали дает вполне адекватную картину финала девятой формы. Экспансию девятой формы Торгового порядка до сих пор обеспечивали два технологических процесса: накопление информации с помощью микропроцессоров и накопление энергии с помощью батарей. К 2030 году оба этих процесса достигнут пределов: дойдет до физического предела закон Мура (удвоение мощностей мик-

ропроцессоров каждые восемнадцать месяцев) и достигнет предела процесс накопления энергии в батареях из лития. Похоже, замедляются нововведения и в других отраслях: стагнирует автомобильная промышленность, за последние пятнадцать лет почти не развиваются мобильный телефон и Интернет, буксует генетика и т. д. Происходит ложный прогресс: персональные компьюте-

ры неоправданно мощны, автомобили слишком сложны для рядового потребителя. Финал девятой формы в конце 2020-х — это конец США как мирового лидера, это мир, который ждут проблемы перенаселенности, нехватки продовольствия, воды, ресурсов и как следствие — массовые миграции и войны; среди зон, за которые развернется борьба, Аттали выделяет Сибирь и Арктику.

От мирового управления к мировому правительству, или Пять шоков, которые потрясли мир

В двух своих работах Аттали предлагает два различных варианта мирового развития после 2025—2030 годов. Первый вариант — установление мирового (наднационального) правительства сразу же «на выходе» из 2020-х годов («Кто будет управлять миром завтра?»). Второй — более длительный, наполненный конфликтами и войнами («гиперимперия», «гиперконфликт») путь к гипердемократии под сенью столь любезного его сердцу мирового правительства («Краткая история будущего»).

Идею мирового правительства Аттали выводит из трудов Данте Алигьери. В 1313 году в трактате «О монархии» он заметил, что мировая империя может покончить с войной, и основанное на Ра-

зуме мировое правительство должно обеспечить *civitas* — свободу народов. И. Кант в Кенигсберге в «Проекте вечного мира» (1795) предложил мировую систему права, целью которой был бы мир. Возродив концепцию стоиков, он назвал это право космополитическим. В 1815 году возник концерн европейских держав. Англия навязала миру идеологию свободной торговли как средства объединить человечество. На деле это явилось средством обеспечить прибылью британские

фирмы, в том числе грабившие колонии в Индии и Африке.

Переходя к мыслителям XIX века, рассуждавшим о наднациональных структурах, Аттали выделяет Мадзини и Маркса. По замыслу К. Маркса социализм должен был быть не национальным, а мировым явлением; в то же время социалистического мирового правительства Маркс не предусматривал. В 1864 году в Лондоне был основан I Интернационал, поделенный на

[2] J. Attali. Demain, qui gouvernera le monde? P., «Fayard», 2011.

Jacques Attali

Demain, qui gouvernera le monde ?

fayard

национальные секции. Однако после войны 1870 года и падения Парижской коммуны он пришел в упадок. Национализм рабочего класса в каждой стране все больше приходил в противоречие с мировыми устремлениями этой организации.

В XX веке продолжался рост наднациональных структур: III Интернационал и Лига Наций. Обе эти структуры не пережили Вторую мировую войну, в ходе которой (после Сталинграда) стало ясно, что ни один глобальный план не будет возможен без СССР.

Несмотря на то, что после окончания Второй мировой войны сразу же началась Холодная, и мир распался на два больших лагеря, процесс формирования наднациональных структур (Аттали — ошибочно, на наш взгляд, трактует его как проявление тенденции к формированию единой наднациональной структуры) продолжался: ООН, Интерпол, Международный валютный фонд, Движение неприсоединения, Римский клуб, Трехсторонняя комиссия. Оставим на совести Аттали тот факт, что в одном ряду у него оказались международные (то есть межгосударственные) структуры и структуры, исходно направленные на создание мирового правительства, — Римский клуб и Трехсторонняя комиссия. Отметим лишь, что в первом же отчете Трехсторонней комиссии был впервые употреблен термин «мировое управление», причем управление это должно было решать задачу установления «нового международного экономического порядка» — по сути, новой формы жесткого контроля «стран-потребителей» (Севера) над «странами-производителями». Логическим следствием создания Трехсторонней комиссии стало решение в 1974 году руководства пяти стран Запада о ежегодных неформальных встречах; очень быстро в пятерку приняли Канаду и Италию — так возник-

ла G7 как общезападный противовес СССР, мировой системе социализма.

В 1990 году был учрежден Европейский банк реконструкции и развития, провозгласивший своей целью, как пишет Аттали (его первый президент), помощь странам Восточной Европы и СССР в переходе к рыночной экономике и демократии. Разумеется, реальные цели были иными, чем те, о которых упоминает Аттали. Главной целью являлось выкачивание средств из зоны соцлагеря, стремительно утрачивавшего социалистические черты и реальный суверенитет. Если вспомнить слова высокопоставленного американского дипломата Стивена Манна о том, что США и их союзники нанесли поражение Советскому Союзу, используя стратегию управляемого хаоса, главными формами которого были «рыночная реформа в экономике» и «демократизация политической сферы», то становится ясно, что «помощь» ЕБРР заключалась не только в разграблении соцлагеря, но и в его окончательном разрушении. Особенно если учесть, что ЕБРР, и Аттали специально подчеркивает это, был первым международным институтом, который условием финансовой помощи той или иной стране ставил ее «демократическую эволюцию».

В 1991 году термин «мировое управление» впервые появился в названии международного института — Вилли Брандт создал при ООН Комиссию по мировому управлению. Случайно или намеренно Аттали не фиксирует четкую связь, как реальную, так и символическую, этого события с де-факто разрушением СССР (де-юре пришло в самом конце года; но ситуация была ясна уже в 1990-м, после встречи Буша-ст. и Горбачева 2—3 декабря 1989 года на Мальте). При условии существования мощного СССР перевод «мирового управления» в практическую плоскость имел весьма мало смысла.

Естественно, что, как только США остались единственной сверхдержавой, они сразу же откровенно заговорили о «новом мировом порядке» — но «порядке» именно мировом (world), а не международном, не межгосударственном (international). Разговор велся как напрямую, так и иносказательно: «конец истории» (Ф. Фукуяма), «столкновение цивилизаций» (С. Хантингтон).

Аттали захлеб расписывает успехи «многостороннего управления миром» в 1990-е годы: создание Международного трибунала по Югославии (1993), по Руанде (1994), превращение ГАТТ в ВТО (1994), соглашение о сокращении выбросов газов в атмосферу (1997), учреждение в Риме Международного суда (1998) и т. п.

Однако, как пишет сам мондиалист, в начале XXI века мир испытал пять шоков, изменивших мировую ситуацию и потребовавших, по мнению Аттали, ускоренного перехода к мировому правительству: иначе — глубокий кризис и «долгая дорога» к свету, а Аттали предпочитает короткую. К пяти шокам он относит следующие события. *Во-первых*, теракты 2001 года напомнили, что вестернизация мира, под которой подразумевается глобализация, не принимается единодушно. В то же время Китай и Индия убедительно продемонстрировали возвращение на экономическую и политическую арену мира. В 1980—2011 годах ВВП Китая вырос более чем в 15 раз и составил 12,8 процента мирового. Средний доход китайца достиг двух третей среднемирового уровня и 15 процентов американского. ВВП Индии за тот же период более чем удвоился, составив 5,3 процента мирового; правда, средний доход индийца не достигает и трети среднемирового и равняется 7 процентам дохода американца (см. 2.Р.212—213).

Во-вторых, бурное развитие Интернета, мобильной телефонной свя-

зи и социальных сетей «уплотнило» мир, в то время как правительства отчаянно пытаются контролировать эти сети.

В-третьих, в 2008 году Калифорнию поразил финансовый кризис, который тут же обрел планетарное измерение. Все поняли, что произошла глобализация рынков без глобализации права. «Вместо того чтобы обратиться к существующим международным институтам и наделить их финансовыми, институциональными и интеллектуальными средствами решения проблемы и особенно верить разрешение международного финансового кризиса валютному и финансовому комитету МВФ, который для этого юридически компетентен, США удалось ввернуть борьбу с кризисом новой неформальной организации G20, куда вошли члены G8, Китай и некоторые другие государства» (2.Р.213—214). Эти собрания глав государств и правительств заботились лишь об эффективности заявлений и своекорыстных интересах. Все были глухи к ключевым проблемам, которые сделались истинно глобальными.

В-четвертых, движение за свободу, начавшееся в 1989 году на Востоке, в декабре 2010-го продолжилось в виде государственных переворотов в Тунисе и Египте, в то время как ни один международный институт не компетентен помочь этим странам в переходе к демократии.

В-пятых, 11 марта 2011 года Японии потрясло землетрясение, за которым последовало цунами. Это событие впервые поставило вопрос о необходимости мирового контроля над ядерными реакторами и вообще над источниками технологических угроз.

Пассаж Аттали о «пяти шоках» дорожного стоит: из него торчат столь длинные идеологические и классовые «уши», что не заметить их невозможно.

1. Аттали считает, что Фукусима продемонстрировала необходимость мирового контроля над ядерными реакторами и источниками технологических угроз. Если называть вещи своими именами, то речь идет об установлении контроля закрытых наднациональных структур мирового согласования и управления над энергетической сферой национальных государств и, таким образом, о подрыве их суверенитета. Ясно, кому это выгодно — *cui bono*, как говорили древние римляне.

Показательно, что после чернойбыльской катастрофы (кстати, еще более подозрительной, чем Фукусима) серьезных разговоров о необходимости международного контроля над ядерной энергетикой, которая, по сути, обеспечивает национальный суверенитет, не было: в 1986 году, несмотря на уже состоявшееся пришествие Горбачева, СССР оставался сверхдержавой, мир был биполярным.

2. Аттали определяет события 1989 года и так называемую «арабскую весну» как «движение за свободу». Напомним, что антикоммунистические «революции» в Восточной Европе развернулись полностью после того, как горбачевское руководство начало поощрять процессы развала социалистического лагеря, что придало исходному стремлению к изменениям в рамках социализма антисоциалистический характер. Полностью антикоммунизм в Восточной Европе развернулся после того, как 2—3 декабря 1989 года во время встречи с Бушем-ст. на Мальте Горбачев, предварительно посетивший Папу Римского — известного советофоба и русофоба Иоанна-Павла II, сдал Восточную Европу; это стало очередным шагом на пути к сдаче и разрушению СССР. Таким образом, формулировки Ж. Аттали о «движении к свободе» применительно к Восточной Европе 1989 года и арабским странам 2011—

2012 годов есть не что иное, как типичная пропаганда.

3. Утверждая, что теракт 11 сентября 2001 года есть свидетельство неприятия частью мира глобализации как вестернизации, Аттали указывает на арабский («Аль-Каида») след в организации этого теракта, то есть солидаризируется с официальной американской версией. За годы, прошедшие со времени взрыва, официальная американская версия не просто поставлена под сомнение (это было сделано сразу), но опровергнута. И тот факт, что в действиях, направленных на свержение законного правительства Асада, США в качестве союзника выбрали именно «Аль-Каиду», является дополнительным гвоздем в гроб официальной версии США событий 11 сентября.

Аттали обращает внимание на то, что на рубеже XX—XXI веков все чаще говорят о «международном сообществе», его мнении, о том, что оно приветствует и что осуждает. Это словосочетание представляет значительный интерес с точки зрения классово-идеологического анализа современного мира. Вот важная логическая цепочка в работе Аттали: возникает «международное сообщество» — для него характерно единое (унифицированное) понятие прав человека, демократии, частной собственности и т. п. — возникает осознание мирового единства и идентичности человечества — мировые ценности суть ценности Запада³, происходит уни-

³ Эти ценности, согласно Аттали, вытекают из греко-иудейского мира и сводятся в конечном счете к индивидуализму. Показательно, что, во-первых, Аттали говорит не о греко-римском, а о греко-иудейском мире, вытаскивая из европейской традиции римское наследие и подменяя его иудейским и искусственно пристегивая это последнее к греческому. Во-вторых, греческое (греко-римское) наследие не сводится к индивидуализму; индивидуализм характеризовал финальные стадии, стадии разложения греческого и римского мира.

фикация культурной идентичности планеты на западный/вестернизованный/американизированный манер, в чем Аттали видит благо. При этом он подчеркивает, что в «международное сообщество» не входят диктаторские режимы, они исключаются из него — как и вообще все те, кто не разделяет ценности и цели этого сообщества — читай: западные ценности. А цель у Запада одна: установление контроля над миром посредством мирового правительства — Аттали этого и не скрывает. Иными словами, всякий, кто защищает ценности своей культуры, своей религии, кто стремится сохранить свою национально-историческую идентичность и сопротивляется курсу на установление гегемонии/диктата/контроля Запада в мировом масштабе во всех сферах (экономика, политика, культура), тот автоматически исключается из «международного сообщества», фиксируется в качестве его оппонента (как минимум).

Ну что же, остается только поблагодарить Аттали за откровенность: он ясно обозначил суть, интересы и цели «международного сообщества», этого, по сути, самозванца, который навязывает свой теум в качестве *verum* и к которому до сих пор апеллируют наши так называемые либеральные крути. Но вернемся к рассуждениям Аттали.

На вопрос, кто управляет миром сегодня, он отвечает так: США (в привилегированном диалоге с Китаем), а также ряд наднациональных институтов: ООН, Международный суд, Всемирный банк, МАГАТЭ, Международный союз телекоммуникаций,

Ватикан, наиболее влиятельные НПО («Международная амнистия», «Репортеры без границ», «Наблюдение за правами человека», «Гринпис»)⁴. При этом он отмечает, что сверхдержавность Америки — видимость; ООН играет все менее значительную роль; роль МВФ исходно ограничена; Всемирный банк и МАГАТЭ слишком слабы для решения сегодняшних проблем. Не только США, но вообще ни одно государство не является сегодня достаточно могущественным, чтобы навязывать свою волю другим.

Конкретно это будет означать, что капитал, направление деятельности и стратегия предприятий будут все больше отрываться от всякой национальной базы. Они будут постоянно перемещаться туда, где законы наименее стеснительны, а налоги наиболее низки. Их кадры и исследователи будут жить в местах, которые будут постоянно конкурировать между собой. Мобильность труда и капитала позволит предприятиям уклоняться от выполнения всех правил, выбирать места, где можно не платить налогов. Развитие технологий ускорит этот реальный или виртуальный нomaдизм (см. 2. P. 270—271).

Ж. Аттали предрекает глобализацию рынков без глобализации государства, а мировой рынок без мирового государства, по его мнению, может быть только рынком без права. «Мир все больше будет походить на гигантское Сомали, страну без стабильного государства, в которой уже более 20 лет бушует гражданская война» (2. P. 272). Завтрашний мир будут раздирать глобализация угроз и бал-

⁴ Эти организации, пишет Ж. Аттали, ведут борьбу за признание каких-либо прав или производят мировые общественные (*public*) блага, позволяющие конкретную реализацию этих прав. Мягко говоря, это не соответствует действительности, а если называть вещи своими именами, то в данном случае мы имеем дело с пропагандой, фальсифицирующей реальность. НПО, особенно крупнейшие, работают в тесной связи с наднациональными структурами мирового капиталистического класса и транснациональными корпорациями. Основным направлением деятельности НПО является подрыв национально-государственного суверенитета тех стран, которые не полностью контролируются мировой верхушкой.

канизация. И если не будет создано мировое правительство, то человечество ожидают серьезнейшие потрясения.

Первую фазу, или волну этих потрясений, Аттали называет «гиперимперией». Гиперимперия — это рынок без демократии. К 2050 году под воздействием требований рынка и новых технологий мировой порядок объединится вокруг планетарного рынка без государства, произойдет деконструкция государственных служб, затем демократии, а далее — самих государств и наций.

Развитие нанотехнологий и миниатюризация средств информации, развлечения, связи, транспорта серьезно увеличат кочевую вездесущность. К 2040 году место автомобилей и бытовых приборов в качестве двигателей роста займут другие объекты — объекты надзора (*surveillance*). Они перетянут на себя многочисленные функции государства. Рост рынков в полицентричном мире будет действовать в том же направлении, что и эволюция технологий, и тоже приведет к существенному ослаблению государств. Когда богатое меньшинство поймет, что в его интересах подчинить ту или иную сферу не голосам избирателей, а рынкам, оно сделает все, чтобы ее приватизировать. Когда предприятия поймут, что действуют не в лучшей в мире фискальной и правовой системе, они будут выводить свои центры принятия решений из стран, где те возникли. Самое позднее в 2050 году начнется деконструкция государств. В ряде стран остановить разрушение национальной идентичности попытаются расистские диктаторы, как теократические, так и светские. Образцом будет происходящее в Нидерландах или Бельгии. Завтрашняя Африка не будет напоминать сегодняшний Запад; скорее завтрашний Запад будет похож на сегодняшнюю Африку.

«Итак, капитализм придет к своему пределу: уничтожит все, что ему не принадлежит. Он превратит мир в огромный рынок, судьба которого не будет связана с судьбой наций и который будет свободен от требований и ограничений “сердца”» (2.Р. 269).

Хозяевами гиперимперий Аттали видит гиперномадов — руководителей деллокализованных компаний, финансовых стратегов, директоров страховых фирм, юристов, писателей, артистов. Их будет несколько десятков миллионов человек, они поведают конкурентную борьбу и не будут ни работниками, ни работодателями, а будут занимать иногда много должностей разом. Они составят новый креативный класс — гиперкласс, который и будет управлять гиперимперией. Они будут жить во всех «сердцах» полицентричного мира.

Ниже гиперномадов будут находиться 4 миллиарда оседлых наемных работников и членов их семей, которые в 2040 году будут главными платежеспособными потребителями. Это «белые воротнички», коммерсанты, врачи, юристы, администраторы и т. д. Большинство из них не будут иметь постоянного места работы — они будут мобильны. И для наиболее молодых перемещаться будет означать приближение к гиперклассу: чем больше оседлый работник будет путешествовать, тем выше он поднимется в иерархии своей фирмы.

Главные социальные жертвы мира без законов и полиции Аттали называет «инфраномадами». Гиперимперия приведет к триумфу рынка в мировом масштабе, но не покончит с бедностью, доля которой будет лишь расти. Число бедняков — инфраномадов, которые будут жить ниже черты бедности, то есть меньше чем на 2 доллара в день, вырастет к 2035 году до 3,5 миллиарда человек (см. 2.Р. 290). Ослабленные государства больше не смогут

платить им приличные пособия. Инфраномადы будут все более уязвимы к эпидемиям, страдать от нехватки питьевой воды, опустынивания. Они все больше будут вынуждены уходить из деревни в город, затем кочевать из города в город, убегая от нищеты. Этот

слой будет все более взрывоопасным с точки зрения бунтов и станет подпитывать пиратскую экономику. Также он будет главным субъектом и первой жертвой гиперконфликта, к которому не позже 2040 года приведет кризис гиперимперии.

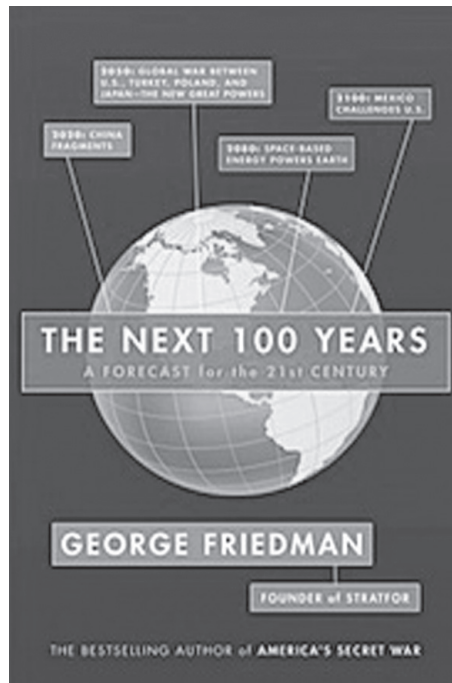
2020—2040-е годы — «золотой век» Америки (версия Дж. Фридмана)

Иную картину 2020—2040-х годов рисует Дж. Фридман. Если Аттали считает, что в этот период звезда США закатится окончательно, то бодрячок Фридман уверен: XXI век будет веком США. Причем Америке вовсе не надо выигрывать войны, она должна лишь подрывать силы своих потенциальных противников, в связи с чем на страницах своей книги автор несколько раз специально подчеркивает: главная цель США в мире и прежде всего в Евразии — не допустить там появления мощной державы, особенно с военно-морским потенциалом. А потому главная задача Соединенных Штатов — не способствовать стабилизации и стабильности в Евразии, а, напротив, привносить туда дестабилизацию. Именно нестабильность в мире в целом и в наиболее важных регионах обеспечивает США максимальную свободу маневра. «Если оставить в стороне риторику, — пишет

Фридман, — то у США нет большого интереса в том, чтобы в Евразии царил мир» (3. Р. 73). Во многом это связано с тем, что «США исторически — страна военного типа (a warlike country)», и вся их большая стратегия строилась и строится из расчета на войну, причем в неизмеримо большей степени, чем у других стран.

Ну что же, премного благодарны Фридману за откровенность — его слова хорошо звучат на фоне захлеба наших либерастов и проамериканской «пятой колонны» по поводу миролюбия, гуманизма и демократичности США.

[3] J. Friedman. The next 100 years.
A forecast for the 21st century.
L., «Allison and Busbey», 2010 (2009)

По мнению Фридмана, воинственная большая стратегия США принесет им успех и в XXI веке. Основатель Стратфора категорически не верит в светлое будущее в XXI веке Китая, который называет «бумажным тигром», — нынешний экономический динамизм не превратится в долгосрочный успех. Более того, Китай ждет упадок и, возможно, распад на части. Россия, считает Фридман, примерно к 2020 году бросит вызов США с целью восстановить империю, но потер-

пит поражение, причем не такое, как СССР в 1991 году, а окончательное (см. *З.Р.* 140—143, 153, 161, 167). Иными словами, XXI — это век без России и Китая. Ну как же хочется американцу избавиться от России, так сказать, окончательно решить русский вопрос, — традиция, однако, всех западных хищников и их интеллектуальной obsługi.

Япония, Турция и Польша — вот кого он считает претендентами на роль новых региональных держав XXI века. При этом подъем Польши еще более ослабит европейское единство; Евросоюз, возникший из ЕЭС, Фридман вообще именует «шизофренической целостностью» (единая Европа ему тоже не нравится — потенциальный конкурент США). Европе Фридман предрекает хаос, отмечая при этом историче-

скую импотентность европейцев, отсутствие у них энергии, в том числе для войны. Подъем Польши нравится ему еще и потому, что он ослабит Германию; к 2040-м годам Германия и Франция окончательно станут историческим прошлым (*has-beens*) (см. *З.Р.* 213—215).

На 2030-е годы Фридман прогнозирует окончание переходного периода к реальному XXI веку и возникновение по-настоящему нового мира, который будет отмечен прежде всего экспансией Польши, Турции и Японии на русские земли. Последние станут «раем для захватчиков» (*«roacher's paradise»* — рай браконьеров, захватчиков), тем более что население всех трех стран по отдельности, а тем паче вместе, превысит стремительно сокращающееся население РФ.

Мировые «воюющие царства» (2025—2040-е годы)

Более осторожную, но тоже военную картину мира после 2025 года рисует Ж.-Ф. Сюсбьель, о чем говорит само название его книги «Вуюющие царства. К новой мировой войне». «Вуюющие [борющиеся] царства», или Чжаньго — так в истории Китая назывался период с 475-го по 221 год до н. э., когда десять царств (Цинь, Чу, Хань, Вэй (II), Чжао, Чжоу, Сун, Лу, Ци и Янь) боролись друг с другом за объединение Китая в целостную империю. Победителем вышло Цинь, а новым императором стал Цинь Ши хуанди (221—210 до н. э.).

Ж.-Ф. Сюсбьель предлагает свой список «воюющих царств» 2020-х годов — правда не десять, а семь: США, Китай, Япония, Евросоюз, Россия, Индия, Бразилия.

Охарактеризовав экономический, демографический и военный потенциал десяти будущих «воюющих царств», Сюсбьель дал общую характеристику начавшейся XXI веком эпохи. По его мнению, в 2001 году закончились сразу несколько хроноотрезков разной длительности:

- эпоха второй промышленной революции (1870—2001);
- эпоха Просвещения (1789—2001);
- эпоха господства Запада (1453—2001);
- эпоха цивилизации (8000 до н. э. — 2001; речь идет о времени после неолитической революции).

Не будем придирааться по частностям к этой схеме, отметим лишь, что господство Запада над миром стартовало значительно позже 1453 года, всерьез о нем можно говорить лишь с 1830—1850-х; закат эпохи Просвещения наступил на несколько десятилетий раньше 2001 года, а помин-

ки по ней начали справлять на рубеже 1980—1990-х; не все просто и с эпохами второй промышленной революции и земледельческо-городской цивилизации. К списку Сюсбьеля можно было бы добавить то, что геологи называют концом «длинного лета» — теплого двенадцатитысячелетнего периода, за которым обычно следует новый ледниковый период, регулярную (раз в 11,5—12,5 тысячи лет) планетарную «перестройку», стартовавшую в начале

XX века (длится 200—250 лет, активная фаза приходится на 1990—2030-е годы), и многое другое. Но примем точку зрения французского геополитика и последуем за ним в его размышлениях о факторах, которые определяют новую, теперь уже не китайскую, а мировую, эпоху «воюющих царств». Прежде всего это истощение нефтяных запасов и проблема нехватки продовольствия на фоне растущей численности населения планеты — к 2050 году оно составит 9 миллиардов человек (см. 4. P. 533). Будет ощущаться и нехватка питьевой воды: в 1960 году планета могла обеспечить 3500 кубометров воды в год на душу населения, однако в 2025-м она не сможет дать и 700 кубометров (см. *ibid*). В настоящее время под угрозой по разным причинам оказались Дунай, Нил, Рио де ла Плата, Рио Гранде, Марри-Дарлинг, Меконг, Инд, Ганг и Янцзы (эта река, кстати, обеспечивает 40 процентов ирригации самой

[4] J.-F. Susbielle. Les Royaumes combattants. Vers une nouvelle guerre mondiale. P., «Editions first», 2008.

многонаселенной страны мира).

Еще один фактор, который способен серьезно повлиять на борьбу «воюющих царств», — это меняющийся расово-культурный состав населения, прежде всего в Европе, которая превращается в Еврабию (Европа + арабы). Наличие афро-азиатской «пятой колонны» в Европе и испаноязычной латиноамериканской в США существенно влияет на военный потенциал этих «царств» в борьбе с другими. Как тут не вспомнить А. Тойн-

би-мл. с его схемой «союза внешнего и внутреннего пролетариата» как фактора, опрокидывавшего цивилизации прошлого и способного обрушить западную цивилизацию в будущем. В любом случае, заключает Сюсбьель, после 2020 года, мир ожидает обострение конкуренции за элементарные блага. От себя добавим, что положение проигравших в этой борьбе будет намного хуже, чем положение проигравших низов практически во все предыдущие эпохи — их ждут «голодные игры» в прямом и переносном смысле слова.

2040—2080-е годы:
гиперконфликт,
гипердемократия и битва
за американский Хартленд

Если Сюсбьель останавливает свое аналитическое воображение на 2030-х годах, Аттали идет дальше — в 2040-е, в эпоху гиперконфликта. Не

позже 2040 года, а возможно, чуть раньше, утверждает он, острые противоречия гиперимперии приведут к мировому конфликту. «Если однажды во время существования гиперимперии все источники конфликта объединятся в одно поле сражения, а все акторы, о которых шла речь, увидят какой-то интерес в том, чтобы один за другим вступить в общую конфронтацию, разразится *гиперконфликт*» (1. Р. 358). Он может вспыхнуть на Тайване, в Мексике, на Ближнем Востоке или в результате нападения на Запад Ирана в союзе с Пакистаном — двух исламских ядерных держав. Будут идти одновременно холодные и горячие, частные и государственные войны. Полиции и армии не будут уважать ни малейших законов войны. Ни один институт не сможет привести противоборствующие стороны к компромиссу, и мир станет огромным полем битвы.

Протекание гиперконфликта будет сопровождаться применением развивающихся военных технологий. Рыночные демократии отдадут себе отчет, что не могут реагировать на действия других сторон гиперконфликта по отдельности, и создадут союз против пиратов и врагов ТП. Они будут тратить огромные средства на оборону.

Аттали прогнозирует, что к гиперконфликту приведут четыре типа войн, совокупность которых и станет гиперконфликтом: войны дефицитов; пограничные войны из-за территориальных споров; войны за влияние; войны между пиратами и оседлыми.

В отличие от Аттали, в мире будущего, где США не играют существенной роли, по Фридману США в этот период сохраняют лидерство, хотя и подвергнутся давлению новых держав — Турции и Японии. США ответят размещением в космосе нового чудо-оружия — Боевых Звезд — Battle

Stars (см. 3. Р. 259 и след.; ну как тут не вспомнить Звезду Смерти из лукасовских «Звездных войн»!). По информации Фридмана, полученной, по-видимому, из будущего, Турция и Япония вступят в союз и в 2050 году поставят задачу уничтожения всех трех Боевых Звезд. Тем не менее в конечном счете у них ничего не выйдет, Америка победит, и в 2060-е годы наступит «золотое десятилетие» американского господства. Однако успокаиваться рано: «Ждут, бывало, с юга, глядь / — Ан с востока лезет рать» (А. С. Пушкин). Правда, в фридмановском случае рать полезет именно с юга: в 2080-е годы вызов США бросит новая мощная региональная держава — Мексика.

А что же будет делаться в 2080-е годы согласно Аттали? Так далеко он не заглядывает, ограничиваясь годами 2050-ми. В середине XXI века, по его мнению, волна гиперконфликта на планете сменится волной гипердемократии.

Если о гиперимперии и гиперконфликте Аттали пытается писать предметно и конкретно, то разговор о гипердемократии — это лозунги и некие утопические картинки. Если гиперимперия — это рынок без демократии, то гипердемократия — это рынок без империи и вообще без государства. В гипердемократии рынок и демократия, уверен мондиалист, обретут равновесие, и этот строй позволит каждому достигать личных целей (внимание!) недоступных благодаря лишь одному рынку. Речь идет о получении таких благ, на которые полагает Аттали, должен иметь право каждый человек, чтобы вести достойную жизнь: доступ к пище, воде, воздуху, жилищу, безопасности, свободе, знаниям и т. п., короче — к качественному и хорошо организованному времени. А обеспечит все это человеку мировое правительство, действующее на основе универсального разума.

Если причины и средства перехода от гиперимперии к гиперконфликту в «Краткой истории будущего» прописаны, то совершенно непонятно, как будет осуществлен переход к гипердемократии; и переход, и сам новый строй принимаются как данность. Само описание гипердемократии очень напоминает коммунизм, только одобренный, уравновешенный рынком. Но штука, однако, в том, что рынок вовсе не предполагает обеспечение доступа *каждого человека* к благам, обеспечивающим достойную жизнь. Это предполагалось при коммунизме; рынок же, во-первых, обеспечивает блага, вовсе не каждому, а только тем, кто может заплатить больше, чем другие; во-вторых, обеспечивает одним за счет других путем отсечения этих других от благ, от общественного пирога. Ясно, что гипердемократия нужна Аттали как некий счастливый финал, который должен обусловить необходимость мирового правительства, план, схему которого автор со вкусом описывает в «Кто будет управлять миром завтра?». Но прежде чем перейти к проекту мирового правительства à la Аттали, обратимся к финалу прогноза Дж. Фридмана.

Фридман не рассуждает на языке гиперсущностей, он парень простой — его интересуют борьба, войны, которые ведут США в XXI веке. Мы оставили США — главного героя книги Фридмана — в 2060-х годах. По Аттали это время, когда на планете воцарилась гипердемократия, борьба окончена, возник мир, который восхитил бы и вольтеровского Кандида, и Карла Маркса. По Фридману же борьба, новый ее тур только начинается: Америке бросает вызов новая мощная региональная держава — Мексика. При этом Фридман нисколько не сомневается, что в 2080-е годы государства останутся базовыми единицами геополитической организации мира, что

Мексика и США сохранятся как государства, а, например, не станут частями Североамериканского или даже Североатлантического союза типа Зеленой земли (Зеленой империи) Джона Ди или проекта Ротшильдов; Фридман, по-видимому, не принимает в расчет и климатические изменения, «сапогом» Гольфстрима стучащие («стук судьбы» — в духе Пятой симфонии Бетховена) в дверь североатлантического мира. Нет, наш вашингтонский мечтатель думает о другом — о мексикано-американском конфликте 2090-х годов, о битве уже не за евразийский, а за американский хартленд. Причем, даже если США нанесут Мексике военное поражение, считает он, это не решит фундаментальную внутреннюю проблему американского хартленда, а именно — вопрос о том, какой и чьей будет Америка будущего: англосаксонской со столицей в Вашингтоне или испанской со столицей в Мехико. И хотя в конце XXI века Северная Америка останется центром тяжести мира, но кто будет контролировать саму Северную Америку — вопрос (см. 3. Р. 328—344). Мы думаем, однако, что при такой постановке вопроса нет или, как говорил один из героев фильма «Ронин», «если есть сомнения, то сомнений нет»: испаноязычные демографически «съедят» англосаксов значительно раньше, чем в 2090-е годы, — если, конечно, эти 90-е вообще наступят. Но будем оптимистами жюльверновского типа, долой пессимизм à la Герберт Уэллс, то есть спящий обязательно проснется.

Мировое правительство

Кошмаров гиперимперии и гиперконфликта можно избежать, если, последовав совету Аттали, создать мировое правительство. Он точно, до деталей знает, каким оно будет, или, по крайней мере, каким должно быть.

Прежде всего, быть федеральным. Для него должны быть характерны децентрализованность, прозрачность, демократичность. Оно должно сочетать равновесие властей американской конституции, принципы государства всеобщего благосостояния Северной Европы, ощущение долгосрочности, присущее китайскому обществу. Такое правительство не может быть просто многосторонним; оно должно иметь наднациональные черты.

Законодательной властью в мировом государстве должен обладать трехпалатный парламент (см. 2. Р. 309). Первой палатой станет Мировая ассамблея, которая будет представлять интересы каждого гражданина мира: принимать мировые законы, особенно бюджет планетарных операций. Тысяча членов этой ассамблеи будут выбираться на основе всеобщего избирательного права с помощью пятиступенчатой процедуры на пять лет согласно спискам от мировых партий. Вторая палата — Сенат наций, который будет представлять национальные интересы: улаживать территориальные споры, следить за геополитическим равновесием и справедливым распределением ресурсов. Прообразом Сената может послужить ГА ООН. В него будут входить два представителя от каждой страны. Третья — Палата терпения, задачей которой видится соблюдение долгосрочного равновесия, контроль за наилучшим использованием технологий и финансов. Она будет состоять из 500 членов, назначаемых на десять лет по конкурсу и объективным критериям компетентности. Палата будет составлять Мировой план на двадцать лет, который станут пересматривать каждые пять лет. Палате будут приданы Экономический и Социальный совет, Совет технологической экспертизы и Агентство по этике.

Исполнительную власть возглавит гептавират (совет семи членов, избираемых на семь лет), который воплотит единство мира. Его члены будут гарантами интересов человечества. Каждая из трех палат будет назначать двух членов совета, а шестеро выберут седьмого. Председательство в гептавирате будет ежегодным и переходящим. Мировое правительство будет готовить проект мирового бюджета и претворять его в жизнь. Ассамблея будет выбирать премьер-министра на пять лет. Каждому избранному министру будет помогать заместитель и независимый совет. Мировое правительство должно располагать полицейскими силами, чтобы следить за соблюдением Мирового кодекса, бороться с преступной экономикой, защищать демократию и устранять глобальные системные угрозы. Без планетарной полиции и юридических средств все остальное — бессмысленно.

Качество и нейтральность информации будут обеспечивать мировые государственные информационные агентства, независимые от правительства и частных СМИ. Их ответственные работники будут назначаться Палатой терпения, а финансироваться они будут за счет особого налога и взносов частных СМИ.

Станет необходимой и возможной единая мировая валюта по модели предложенного Кейнсом банкора. Ее будет выпускать Мировой центральный банк, который по отношению к национальным центробанкам будет выступать тем же, чем те — по отношению к частным банкам.

Особое место в будущем мировом правительстве Аттали уделяет Палате устойчивого развития в составе 300 человек (см. 2. Р. 339), назначаемых правительствами. Это должны быть люди с признанной легитимностью: нобелевские лауреаты, отстав-

ные чиновники демократических стран и международных институтов, философы, антропологи и т. д. Такой институт неизбежно будут критиковать как недемократический, но он необходим, чтобы заставить другие органы принимать во внимание интересы будущих поколений.

Это очень важный момент: здесь в энциклопедический раз со «стеклянной ясностью», как сказал бы В. Набоков, вылезают классово-идеологические «уши». Дело в том, что словосочетание «устойчивое развитие» (или «устойчивый рост») — это кодовая формула верхушки мирового капиталистического класса и его интеллектуальной обслуги. Непосвященных она должна втемную, как некогда внешне привлекательная масонская триада «свобода, равенство, братство», вовлечь в процессы, выгодные мировой верхушке. Кто же будет спорить с лозунгом необходимости беречь природу? Однако в концепции «устойчивого развития», объединившей экологизм и политику, как показал в своей блестящей работе В. Б. Павленко, на неокOLONиалистской и неомальгузианской основе, речь идет о том, чтобы снизить давление населения на природу путем сокращения численности населения Земли к концу XXI века на 70—80 процентов. По сути, речь идет о закамуфлированном геноциде, о глобальной зачистке.

Основы доктрины «устойчивого развития» были сформулированы в Первом докладе Римскому клубу — «Пределы роста». Этот доклад обосновывал торможение научно-технического прогресса, который, увеличивая численность и роль рабочего класса и среднего слоя на Западе, угрожал позициям верхушки, что и было открыто признано ее апологетами в докладе «Кризис демократии» (1975). В то же время

«устойчивое развитие» предполагает резкое сокращение потребления непривилегированной части человечества. В докладе Комиссии по глобальному управлению и сотрудничеству (1995) читаем: «Устойчивое развитие основано на предпосылке, что необходимо поддерживать соответствующее равновесие между численностью населения и уровнем потребления в пределах ограничений, налагаемых самой природой. Становится поэтому ясно, что для достижения устойчивого развития необходимо сокращать не только численность населения, но и снижать уровень потребления»⁵.

Ж. Аттали понимает всю трудность и сложность учреждения мирового правительства, о необходимости которого уже много десятилетий твердят Ротшильды, Рокфеллеры, Варбурги и др. Он подчеркивает, что без серьезного кризиса мировое правительство не возникнет, только такой кризис способен заставить народы отказаться от суверенитета — и лечь под «железную пяту», добавим мы. Не поэтому ли так участились кризисы? И не значит ли это, что нужно ждать перманентного кризиса, гиперкризиса, до тех пор, пока измотанное человечество само не возопит о необходимости мирового правительства? Другое дело, что кризис этот может выйти (и, кажется, уже выходит) из-под контроля тех, «кто эту кашу заварил вполне серьезно»⁶; но в этом как раз и проявляется то, что Гегель называл «коварством истории».

⁵ «Наше глобальное соседство. Доклад Комиссии по глобальному управлению и сотрудничеству». М., 1996. С. 155.

⁶ Подробнее см. **А. И. Фурсов**. Мир, который мы покидаем, мир, в который мы вступаем, и мир между ними. Капитал(изм) и Модерн — схватка скелетов над пропастью. — «De Futuro, или История будущего». М., «Политический класс»; «АИРО-XXI», 2008. С. 254—304.

В сухом остатке

Изложенные выше взгляды на futurum, особенно Аттали и Фридмана, интересны прежде всего тем, что демонстрируют желаемое определенной частью мировой капиталистической верхушки будущее. При этом если Фридман ставит в центр государство США, его победоносную одиссею в XXI веке, то для Аттали существует только надгосударственное мировое правительство как средство решения проблем «международного сообщества» — кодовое словосочетание для обозначения тех, кого Дизраэли называл «хозяевами истории». По поводу противоречий, возникающих в прогнозе Фридмана, уже сказано выше. Что касается противоречий прогноза Аттали, то их немало. Отметим те, что представляются наиболее важными.

Средство достижения — мировое правительство, которое Аттали рисует в самых розовых красках: разум, универсализм, демократия и т. п. Но, во-первых, как может быть демократичным правительство, укрощающее анархию, тем более в условиях жесточайшего кризиса капиталистической системы, замешенного, помимо прочего, на нехватке ресурсов, продовольствия, пространства?

Во-вторых, система равновесия рынка и демократии без государства может быть реализована только надгосударственными структурами, жестко ограничивающими рынок, если не вообще ликвидирующими его. Как известно, капитализм есть система взаимодействия капитала (рынка), государства и закрытых наднациональных структур мирового согласования и управления. Если два первых «угла» этого «треугольника» ликвидируют-

ся, то это означает полный демонтаж капитализма как системы. По сути, не называя вещи своими именами, Аттали говорит именно об этом, вскользь упоминая некую «глобальную распределительную экономику» — явно нерыночную и некапиталистическую.

В-третьих, все это свидетельствует о том, что эпоха Торговых порядков, если пользоваться терминологией самого Аттали, заканчивается, на смену ей идет эпоха, комбинирующая Ритуальный и Имперский порядки, Ритуально-имперская (или Имперско-ритуальная) эпоха. В течение большей части истории человечества Торговые порядки, вопреки тому, что пишет Аттали, никогда не были самостоятельными — они всегда были либо функцией, либо периферией, либо анклавным миром ритуально-имперских форм. На краткий миг истории — по Аттали это восьмой и девятый периоды ТП (XVIII—XX века) — эти последние в значительной степени освободились от ритуально-имперской хватки, и то не полностью. На наших глазах этот момент становится прошлым, растворяется в нем. Грядет новая форма Имперско-ритуального порядка, которая, как рассчитывает Аттали, сохранит власть и привилегии нынешних «хозяев истории», но, естественно, тоже в новой форме.

Сохранит ли? На первый взгляд у верхушки мирового капиталистического класса все козыри на руках — власть, собственность, информация, то есть контроль над ними. Дело, однако, в том, что кризис — это передача карт Истории, в ходе которой нередко высказывает джокер, побивающий козыри. Подготовка такого джокера, способного поломать правила игры, и есть архиважная задача сегодняшнего дня. ◆